

П О Э З И Я

Неум Каплан

ТЕ И ДРУГИЕ

Актер не шут — он подчинен сюжету,
его горенье — следствие искры
чужой. И стоит вдруг погаснуть свету,—
он в тот же миг выходит из игры.

Он трудно дышит в тесной клетке роли,
он трудится, он устает к концу.
Иное дело шут — тот целый день на воле,
он, дерзкий баловник, источник легкой боли,—
не устает. И грим навек прирос к лицу.

В заветном полушаге от позора
шут на царя вздымает кулачок.
Актерству же лишь тень дозволена укора,
и в споре сильных он — едва ль участник спора,
вне роли он — молчок!
Но в праведной душе великого актера
средневековый бьется дурачок.

О, братство кровное шута и лицедея,
о, братьев двух кровавая вражда!..

Мех ними стихоплет взволнованный,
бледнея,
совета свыше ждет:
туда или сюда?

ж ж ж

Сколько ни проживу, но умру
раньше тебя,
и внуки мои умрут раньше тебя,
и когда на месте моей могилы
будет уже другая,
когда, станет каменным углем дерево у моего окна,—

ты будешь живее невесты
в первую ночь наследенья,
будешь теплее крови,
ярче спасительной мысли
и, как сегодня,
взывать к бесконечной жадности будешь
всякого,
кто хоть раз поднимал глаза небу.

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ

Всё вскинуло. Вабесившееся солнце
ударило в октябрьский барабан,
и всех своих старух увидел мир,
на деревянных лавках ждущих сонно
известий дивных из заморских стран.

Я отравился светом. Я оделся
шаменом и в бреду затенцевал,
я был хитер и грустен, как Одессе,
и добр, как конь, сраженный наповал.

Беснуясь, я не знал, куда мне деться,
закрыв глаза, забыв родной язык.
Соленый, раскаленный запах детства
вошел в меня внезапно, словно крик.

И понял я, как весь ему я предан,
как властно он в душе моей притих,
и понял я, что ни одну не предел
из праведных наивностей моих.

О сладкий дух, смиренный дух окраин...
Навеки, память солнечной поры,
свинцом печали я к тебе прицепил,
хотя во многом вышел из игры...

Старухи снят на лавках деревянных,
над крышами стихает барабан,
и, как убитых, подбирают пьяных
и бережно разносят по домам.

ПОРТРЕТ

Наблюдаю за одним человеком.

Ранним утром, руки сложив
на задубелом, кровавом переднике,
надзирает он желчно,
как несут для него молодцы
тяжеленные части животных.

Флегматичный дядька,
как он машет своим топором
над плехой,
стряхнув предверительно
крупную грязную соль.

Красные клочья
он ловко швыряет на тонкий металл.

Ерусалим-закатанные-рукава,
доблестный жулик,
пестухе отдаленный собрат,
так усерден, так любит работу:

жемчужины горького жира
в неумытой блестят седине,
и ботинки — не зашнурованы.

***

Старинная притча — живейшее слово,
оттого шипит;
существительные и глаголы — ее основа,
и редок эпитет,
к нему прибегнет
поздний поэт,
без особого аппетита
уныло тряся свое мелкое сито
над электрической сковородкой,
запивая работу водкой.

Действие притчи просто,
персонажи — высокого роста;
то читатели притч бесноваты,
а не авторы, те — солдаты,
создатели притч —
сознательны,
осторожны, степенны, внимательны
и трудятся без оплаты,
поскольку сами невероятно богаты,
а поздний поэт —
нет,
он любитель монет,
он, как пряник, торгует сонет,
ждет прибавки за выслугу лет,
за пикантные его субпродукты
в январе ему — свежие фрукты,
а его духовная пища —
притча.

***

Уважение к старшим во мне непоколебимо.
Чего стоит вся пытливость и мирная кручина моя,
если, родившись, я опоздал к сражению.

Вернуть бы хоть несколько лет — и я увидел бы,
как подплывают к развалинам эшелоны,
как армия прибывает с чужбины,
как привозят обратно пушки,
сделавшие свое дело,
как возвращаются беженцы.

Пусть я еще не понимал бы тогда
объятий и слёз и взглядов девушек,
и медного голоса радио,
пусть не мог бы еще улыбаться
приливу энтузиазма и обывательства,
не я чуял бы, что нужно идти на дороги,
и шел бы,
и видел,

как идут солдаты с использованными винтовками,

как им к лицу гимнастерки,
и мундиры,
и колпаки,
и шапки,
и сандалии,
и толстые аркебузы,
и ружья с фитилями,
и напрасные ядра на телегах,
и стенобитные машины,
и колья,
и луки со стрелами...

И печальное, чистое дыхание кровавой победы
я никогда не смог бы забыть.

ЖРИТЕ ВИШНЮ

"Мальчик, посмотри на эту вишню.
Ведь она цветет не для человека:
в муках вишня цветы рождает —
разве это не героизм, мальчик?"

Дзюн Таками

Вишни сегодня полно:
глаз не хватит, чтоб счесть
сколько их выперло, кругленьких красных ягод.
Не говорю уже о садах и усадьбах
в каждом дворе, на улице —
всюду, где только возможно себе представить,
вы можете хватать ее пригоршнями, не глядя.

Вишня — бесплатно!

Жрите!

Суйте ее в рот горстями!
Выплюньте,
размазывайте ее по лицу
/вы будете при этом похожи
на человека, избитого в кровь/,
швыряйте ее друг в друга,
разнитесь —
вишни хоть отбавляй.

Все... достанется.

Могут назреться даже те,
кому это никогда не удавалось,
и те, что живут на отшибе земли
и не знают, что это такое — вишня,
и те, что валяются грязные в трясине окопов,
и те, что сидят в тюрьме
за политические убеждения —
черт с вами —
вишни сегодня от пуза!

Налетайте, добрые люди!
Вишня — хорошая штука:
из нее делают компот и повидло,
сиропы и крепкую наливку,
ее можно совать в пирожки и вареники,
замораживать и хранить долгое время.

Лрите вишню, товарищи!
Мы обязаны сохреть ее всю без остатка,
мы не можем заставить ее гнить на ветках —
это было бы равнозначно подлости,
деградации нравов
и вырождению цивилизации!
/Не смейтесь:
когда-нибудь вы поймете
насколько это серьезно/.